

Глава 27. Город Цзиньлин (9). Созданы друг для друга

—

Юйвэнь Дуо в этот момент ещё не знал, что его правлению приходит конец, и что его дни уже сочтены. Он был возмущён поступками главы кабинета министров Сюя.

Глава кабинета министров Сюй создавал фракции и принимал приёмных сыновей. Он знал об этом и поощрял.

Иначе как можно было сдерживать власть премьер-министра Сюэ?

Однако недавно секретарю Тан Мэнъяну выкололи глаза после того, как он был кастрирован, и в таком виде его привезли на аудиенцию.

Юйвэнь Дуо был в ярости: «Кто посмел так жестоко поступить с моим чиновником?!»

В Зале Цзиньлуан глава кабинета министров Сюй взглянул на своего приёмного сына и сказал: «Господин Тан, кто так жестоко с тобой обошёлся? Это просто отвратительно!»

Тан Мэнъян не мог стоять. Он лежал на коленях и впервые в жизни понял, как ужасно быть слепым.

Выкалывание глаз, казалось, было мстью, но Тан Мэнъян слишком хорошо знал Линь Цзыкуя. Линь Цзыкуй не мог так поступить и не мог нанять кого-то, чтобы так поступить. Максимум, что он мог сделать, — это разочароваться в нём и больше никогда не общаться.

Кто мог осмелиться на такое? Он не сомневался, что это мог быть только жестокий Сюй Чжоцзюнь.

Недавно, когда его везли на аудиенцию, Тан Мэнъян не знал, кто этот человек. Его голос был спокойным, и он сказал ему о преимуществах и недостатках: «Если ты скажешь правду императору, у тебя будет шанс выжить. Если ты скажешь, что не знаешь, ты думаешь, что фракция Сюй оставит тебя в покое?»

Тан Мэнъян: «Нет... Я приёмный сын министра Сюя, он не причинит мне вреда!»

«Теперь ты калека. Ты думаешь, ты всё ещё можешь быть чиновником? Секретарь Тан, ты больше не нужен министру Сюю. Ты обвинишь настоящего преступника, а я сохраню тебе жизнь и отправлю тебя обратно на родину в Цзяннань».

Тан Мэнъян стоял на коленях в Зале Цзиньлуан. Он услышал голос министра Сюя и повернул голову к нему.

«Приёмный отец... Ты действительно не знаешь, кто так жестоко со мной обошёлся?» — его губы дрожали.

«Что ещё за приёмный отец, господин Тан, ты потерял рассудок!» — глава кабинета министров Сюй почувствовал беспокойство, боясь рассердить императора, и поспешно сказал: «Ваше величество, секретарь Тан сейчас в невменяемом состоянии, его словам нельзя верить, ваше величество!»

Юйвэнь Дуо поднял руку, чтобы остановить его: «Эй, дорогой министр, давайте послушаем, что скажет секретарь Тан. Не перебивай».

После допроса, согласно закону, Сюй Чжоцзюнь был отправлен в тюрьму. Затем Юйвэнь Дуо приказал императорской страже отвезти Тан Мэнъяна в Императорскую медицинскую академию, а сам лично пошёл его навестить.

«Секретарь Тан, напиши обо всём, что ты делал в партии Сюй, и я сохраню тебе жизнь. Я ценю таланты, и все эти годы, что ты давал мне советы и служил, я видел — ты верный чиновник. Как насчёт того, чтобы остаться во дворце и стать евнухом рядом со мной?»

Услышав слово «евнух», Тан Мэнъян не знал, стоит ли ему благодарить императора.

Он хорошо знал, что евнухи пользуются благосклонностью.

Он изо всех сил пытался встать, чтобы поблагодарить императора. Юйвэнь Дуо махнул рукой: «Эй, я позволяю тебе не преклонять колени».

Маленький евнух рядом с императором тут же сказал Тан Мэнъяну: «Ой-ой, поздравляю, евнух Тан».

Если бы у господина Тана были глаза, он бы сейчас был в слезах: «...благодарю, благодарю...»

Юйвэнь Дуо ценил его и чувствовал к нему жалость. Он спросил главу Императорской медицинской академии: «Лекарь Чжан, посмотри на глаза Тан Мэнъяна, можно ли их спасти?»

Старший лекарь Чжан был очень опытным и сказал: «Если бы глаза были на месте, то, возможно, их можно было бы спасти...»

Юйвэнь Дуо опустил голову и спросил его: «Тан Мэнъян, где твои глаза?»

Лицо Тан Мэнъяна мгновенно побледнело, и он чуть не заблевал.

Увидев, что его тошнит, Юйвэнь Дуо был недоволен. Евнух рядом с ним упрекнул: «Тан Мэнъян, как ты смеешь!»

«Нет, нет! Ваше величество, простите меня, я не сдержался! Это потому, что Сюй Чжоцзюнь... Он заставил меня съесть мои глаза... Поэтому я сейчас, сейчас...» — он изо всех сил старался сдержать дрожь.

«Что ты сказал? Заставил тебя съесть их?!» — Юйвэнь Дуо был в ярости и шоке. «Этот Сюй Чжоцзюнь! У него злое сердце и коварные намерения!»

Если его не убрать, он станет следующим Сяо Фу!

В результате, спустя несколько дней, из отряда, состоящего из старого мастера гу и дюжины императорских стражников, отправленных императором Вэньгаем на поиски материнского насекомого, только один человек вернулся тяжело раненым!

Стражник, лежа в Императорской медицинской академии, выплюнул кровь и сказал: «Мы выследили её до уезда Цзишуй в провинции Цзянси! Мастер гу сказал, что матка была где-то рядом, но мы попали в засаду. Нападавшие были неизвестного происхождения. Все погибли! Я один вернулся, чтобы доложить...»

Юйвэнь Дуо нахмурился: «Цзянси, уезд Цзишуй?»

В правительстве было немало чиновников из уезда Цзишуй в Цзянси. В один год из провинции

Цзянси было около ста цзиньши, и десять из них были из уезда Цзишуй.

Самым высокопоставленным из них был глава кабинета министров Сюй Хуэй.

Юйвэнь Дуо был потрясён. Он отступил на несколько шагов и рухнул на трон: «Это действительно министр Сюй, который хотел навредить мне! У него в руках материнское насекомое, и он хочет контролировать меня, убить меня! Быстрее, позовите премьер-министра Сюэ во дворец!» В этот момент Юйвэнь Дуо мог думать только о честном и справедливом премьер-министре Сюэ.

«Премьер-министр Сюэ...» Евнух, увидев его выражение лица, сказал: «Ваше величество, вы забыли? Несколько дней назад вы позволили премьер-министру Сюэ уйти в отставку и вернуться в родной город».

Он ударил ногой: «Так чего ты ждёшь?! Немедленно верни его ко мне!»

Тем временем Линь Цзыкуй, слепой с повязкой на глазах, поддерживал хромающего Сяо Фу, чтобы выйти из кареты.

Сяо Фу махнул рукой, подзывая ждавшего в стороне охранника: «Эй, крестьянин, ты живёшь здесь?»

Крестьянин?

Охранник был в замешательстве. Увидев выражение лица маркиза, он тут же признал себя «крестьянином» и подыграл ему: «Эй, да, да! Вы вдвоём?»

Линь Цзыкуй вежливо объяснил: «Мы вдвоём попали в беду по пути из столицы, и на нас напали бандиты. Не подскажешь, далеко ли отсюда до храма Синчжи?»

«Храм Синчжи? Недалеко, недалеко. Но вы, двое, едва можете идти. Мне вас жаль. Мой... У меня есть лошадь, которая может тащить вашу карету. Я отвезу вас!»

Сяо Фу обнял Линь Цзыкуя: «Как хорошо, Линь-лан, мы встретили доброго человека. Мы спасены».

Линь Цзыкуй, которого недавно предали, поколебался: «Госпожа Чжаолин, мы... должны быть осторожны».

Сяо Фу: «Крестьянин выглядит как хороший человек, крестьянин, не так ли?»

Охранник с честным лицом: «Да, конечно. Меня зовут Нью Эр».

Нью Эр, звучало как честный человек. Хотя Линь Цзыкуй был немного беспокоен, он всё же сел в карету.

В пути Линь Цзыкуй внезапно почувствовал сильный зуд. Это было из-за гу, которого ему скормил третий господин. Это случалось каждые несколько дней.

В прошлые разы он был в полубессознательном состоянии и старался скрыть это от Сяо Фу.

Каждый раз, когда это начиналось, он сворачивался калачиком и не издавал ни звука.

Теперь он сидел в карете, и зуд был невыносимым, словно по его телу ползали насекомые.

Линь Цзыкуй не мог сдержаться и начал чесаться. Он дрожал и свернулся в углу. Сяо Фу увидел это, обнял его и взял за руку: «Линь-лан, что-то не так? Плечо?»

Линь Цзыкуй кивнул, но сказал: «Всё в порядке... Просто немного зудит. Я могу вытерпеть».

Сейчас у них не было горячей грелки. Сяо Фу снял свой плащ и накрыл его, расстегнув пояс его внутренней одежды. Линь Цзыкуй инстинктивно схватил его, выглядя так, будто ему больно: «Госпожа Чжаолин...»

Сяо Фу склонился и поцеловал его в ухо, или, скорее, просто прижался к нему. Линь Цзыкуй чувствительно дёрнул головой, спрятав ухо между плечом и головой.

Но вдруг он почувствовал, как большая, нежная ладонь проникла под одежду, накрывая его плечо и грудь.

Сяо Фу прошептал: «Я согрею тебя. Не чешись, а то поцарапаешь себя».

Сяо Фу опустил глаза и посмотрел на его кожу.

Кожа Линь Цзыкуя была не белоснежной, а цвета козьего молока, которое Сяо Фу пил каждый день, когда был на границе. Она выглядела аппетитно и должна была быть очень сладкой.

Конечно, Сяо Фу не знал, что такое сладкий вкус.

Но когда он тёрся губами в потайном отсеке кареты, он почувствовал это.

Вот какой это вкус.

Сладкий.

Он вложил немного энергии в свою ладонь, и она слегка нагрелась. Тепло от ладони проникло в плечо Линь Цзыкуя и мгновенно облегчило боль. Линь Цзыкуй вздрогнул и прижался к нему, чувствуя себя ужасно неловко.

Как он мог прятаться в объятиях девушки...

Но у него не было сил. Он дрожал и что-то бормотал.

Сяо Фу наклонил голову и прислушался.

Отлично! Этот зануда снова декламирует «Лунь Юй».

Примерно через час карета поднялась на холм и доставила их к храму Синчжи. Приступ Линь Цзыкуя длился меньше получаса. Зуд приходил и уходил быстро. Он немного вспотел и поправил одежду. Он сидел в углу, как перепёлка, с опущенной головой. Его щёки под белой повязкой были бледно-красными, покрытые лёгким потом.

Сяо Фу подошёл и сказал: «Линь-лан, чего ты стесняешься? Я уже видел твоё тело. Чего стыдиться?»

Если бы это был кто-то другой, Линь Цзыкуй, наверное, сказал бы ему: «Многословие — это пустословие, шутки — это распутство...»

Но поскольку это была Сяо Чжаолин, он мог только притворяться глупым, не издавая ни звука

и ожидая, что он скажет.

Сяо Фу вздохнул и нежно ущипнул его за лицо: «Линь-лан, ты стал более толстокожим, чем раньше».

В этот момент карета остановилась.

Линь Цзыкуй тут же сказал: «Мы приехали? Вторая госпожа, давай быстрее выходить!»

В храм Синчжи с докладом вернулись Юаньбу, Юаньцин и Цзинь Цзунь. Они увидели, что маркиз хромает, и что его поддерживает слепой господин Линь! Они были в шоке: «Хозяин!»

«На нас напали по дороге, ничего страшного, небольшое ранение». Сяо Фу помахал ногой, показывая, что он притворяется. Затем он приказал: «Где слуга господина Линя? Приведите его в Зал Зимней Сливы».

Они вдвоём вошли в даосский храм. Линь Цзыкуй пошёл сначала зажечь благовония и преклонить колени. За последнее время произошло слишком много всего. Он не просил о славе, а только о том, чтобы они со второй госпожой были в безопасности.

Сопровождаемый охранником, он вернулся в восточный гостевой зал. Линь Цзыкуй сидел во дворе под банановым деревом и, услышав голос слуги, тут же встал: «Мо Лю!»

«Господин!» — Мо Лю не видел его много дней и поспешно подбежал, обнимая его, как ребёнок обнимает родителей.

Поскольку Линь Цзыкуй каждый день носил повязку и накладывал лекарство, Мо Лю не сразу заметил, что с его глазами что-то не так.

Это было нормально.

Линь Цзыкуй, конечно, не стал бы ему рассказывать об этом.

А Мо Лю очень волновался о второй госпоже: «Вторая госпожа вернулась с вами, господин? Ну как, господин? Господин Сяо позвал вас в Цзиньлин, чтобы обсудить свадьбу?»

Линь Цзыкуй шевельнул губами, а затем кивнул: «Госпожа Чжаолин...» Он повернул голову в сторону. Хотя он не видел, он знал, что Сяо Чжаолин внутри. Линь Цзыкуй сказал Мо Лю: «Вторая госпожа согласилась выйти за меня замуж. Только что госпожа Чжаолин сказала мне, что в марте она вернётся со мной в уезд Фэнтай и выйдет за меня замуж перед скрижалями моих родителей».

«Выйти замуж в уезде Фэнтай?» — Мо Лю почувствовал, что что-то не так. Почему не в Цзиньлине? Может, будет две свадьбы! Мо Лю успокоился и радостно воскликнул: «Это прекрасно, господин! Вторая госпожа скоро выйдет за вас замуж и родит вам здоровенького мальчика!»

«Тише, тише... Не будь таким неучтивым». Линь Цзыкуй поспешно прикрыл ему рот.

Сяо Фу был очень внимателен. Хотя он слушал доклад Юаньцина о том, что он специально отпустил императорского стражника обратно во дворец, «Господин, matka цела, я выполнил свою миссию».

Сяо Фу взял банку с гу, который контролировал жизнь императора, но всё же был немного

отвлечён на Линь Цзыкуя.

Как только Юаньцин закончил, Сяо Фу вышел. Линь Цзыкуй всё ещё разговаривал с Мо Лю под деревом. Увидев Сяо Фу, Мо Лю тут же сказал: «Господин! Я всё ещё готовлю курицу на кухне, мне нужно пойти посмотреть! А вы с второй госпожой... поговорите спокойно».

«Вторая госпожа пришла?»

«Хм». Сяо Фу взял прядь его волос, которые были заколоты сандаловой шпилькой. Линь Цзыкуй повернул голову.

Вернувшись в храм Синчжи, Линь Цзыкуй, чьё сердце было в беспокойстве, наконец успокоился, думая только о простой жизни в будущем.

Линь Цзыкуй сказал: «Госпожа Чжаолин...»

Пальцы Сяо Фу играли с его волосами: «Линь-лан, зови меня просто Чжаолин».

Линь Цзыкуй колебался, а затем покорно сказал: «Чжаолин».

«Я должен кое в чём признаться тебе, Линь-лан. Иначе я не осмелюсь выйти за тебя замуж. Я буду чувствовать себя неловко». Его тон стал немного серьёзным.

Лицо Линь Цзыкуя замерло.

Что случилось?

Она не осмелится выйти замуж?

Может быть, она уже была замужем?

Даже если так, Линь Цзыкуй был готов это принять.

Но Сяо Чжаолин сказал: «Я не смогу родить тебе ребёнка, Линь-лан».

А?

Не успел Линь Цзыкуй спросить, почему, как Сяо Чжаолин сам объяснил: «Я от природы отличаюсь от обычных женщин, и не смогу родить. Я не смогу продолжить род Линь. Что касается того, чем я отличаюсь... Ты узнаешь это позже. Так что, Линь-лан, ты всё ещё хочешь жениться на мне?»

Продолжение рода было очень важным делом.

По крайней мере, в воспитании Линь Цзыкуя это было так. Есть три вида неблагодарности, и самая большая — это не иметь потомства.

Но когда Линь Цзыкуй услышал это, его реакция не была такой бурной, как ожидал Сяо Фу. Линь Цзыкуй слегка нахмурился, как будто задумался, но вскоре ответил: «Я однажды... обещал второй госпоже, что я сдам экзамены, а потом женюсь на тебе. Но то, что я обещал, я тоже не смог выполнить. Я больше не смогу сдать экзамены, и навсегда останусь незначительным цзюйжэнем. Так что, Чжаолин, ты всё ещё хочешь выйти за меня?»

<http://bllate.org/book/14420/1274672>